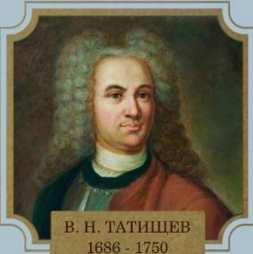
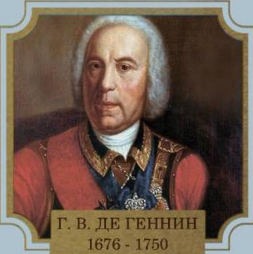

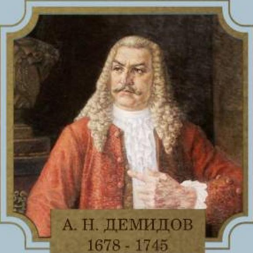
А. Ф. СТРОГАНОВ
1488 - 1570

В. Н. ТАТИШЕВ
1686 - 1750

Г. В. ДЕ ГЕННИН
1676 - 1750

А. Н. ДЕМИДОВ
1678 - 1745

Александр Смольников

Тропами святого Урала

Александр Смольников
Тропами святого Урала.
Никита Демидов. Книга вторая

<https://litres.ru/73895283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во второй книге «Тропами святого Урала» «Никита Демидов» рассказывается о истории развития Урала на протяжении целого столетия с начала 17 и по начало 18 веков. Идёт повествование о детстве и начале правления Петра I по укреплению русского государства, о первых шагах деятельности богатейших русских предпринимателей (заводчиках и землевладельцах) Демидовых, основателе династии Никите Демидове. Начат рассказ о российском государственном деятеле Василии Никитиче Татищеве, его жизни, вплоть до прибытия на Урал. Основные персонажи повествования реальные, все события привязаны к реальной местности того периода и времени.

Александр Смольников

Тропами святого

Урала. Никита

Демидов. Книга вторая

Часть - 2.

НИКИТА ДЕМИДОВ.

Никита Демидов – из серии «Урал – детище Петра I». Гравюра - Казанцев А.А.

Начиная с середины 16 века Урал привлекал русских переселенцев обилием свободных земель и никем не контролируемых природных ресурсов. Кроме крестьянства, уральским регионом активно интересовалось и купечество, считавшее развитие торговли с Сибирским ханством и среднеазиатским регионом выгодным и перспективным делом. Именно в этот период появляются первые русские поселения на Урале. Основными видами занятий у них были земледелие, охота и рыбалка.

Большая часть русских поселений на Урале формировалась вокруг острогов – укреплённых стрелецких или казачьих гарнизонов, выполнявших в 15–17 веках функции корпуса пограничной стражи. Одно из таких поселений, к примеру, была – Верхнетурская (позднее – Верхотурская) слобода, появившаяся возле одноимённого острога в 1598 году, – уже через два с половиной года имело и государеву ямскую службу, и таможню, то есть, по сути, было центром уезда.

В первой части мы вместе с читателями окунули в жизнь семьи Строгановых, которые пришли на Урал уже известными солепромышленниками, получив от Ивана Грозного земли по Каме для дальнейшего развития соледобычи и освоение новых пространств для российского государства. Увиде-

ли, как проходила борьба с Пелымским княжеством, завоевание Сибири отрядом Ермака, покорение казаками Сибирского ханства.

Нам довелось наблюдать жизнь коренных народов на примере вогулов (манси), заселявших в ту пору Средний Урал, проследили за судьбой вогульского мальчика Ойки от его детства и до службы в отрядах Пелымского князя Кхикека, когда в одном из походов пелымцев на строгановские земли отряд был разбит, а Ойка спасся, уходя с раненым другом Потю на лодке от преследовавших их людей Строгановых.

Если в конце 16 – начале 17 века большинство переселенцев на Урал были военными и крестьянами, то начиная с 20–х годов 17 столетия на Камень потянулись и ремесленники, которые первыми начали осваивать здешние природные кладовые. Большинство переселенцев оседало в Верхотурском, Тобольском и Кунгурском уездах, где находились наиболее оживлённые торговые пути, неограниченная сырьевая база и устойчивый спрос на производимую продукцию.

Глава - 1.

Ойка и внук.

.1.

Ойкино бегство.

– А–ха, а–ха, ух, ух, раз – раз, быстрее – быстрее! – Ойка

уходил на лодке от преследовавших его людей Строгановых.

— А—а—а! — раздался крик от лежащего тут же в лодке человека, истекающего кровью.

— Держись, Пот, держись! Уходим, уходим! — прокричал Ойка.

Да, это был друг его детства, который только что был ранен в грудь, в бою при нападении на Нижне — Чусовской городок Строгановых пелымского войска Кихека, в котором они были начальниками отрядов. Как это произошло, что люди Строганова смогли их одолеть, их воинов Пелыма, простые люди, хотя вооружённые пищалями, ружьями, было непонятно. Видно это и сыграло злую шутку с уверенными в своей победе отырами (воинами) Кихека.

Лодка уходила в глубь леса по реке. Последние пули ударили над головой по веткам деревьев, росших вдоль берега. Стайка каких — то птиц взметнулась с испуга, запричитав по — птичьему на потревоживших их людей.

Ойка ещё мощно грёб с полчаса, стремясь как можно дальше уйти от погони. Голоса становились всё тише, дальше и скоро совсем затихли. Лодка ударилась носом в берег. Свисавшие ветки закрыли её со стороны реки. Ойка, обесиленный, упал на спину и посмотрел вверх на пробивавшееся сквозь листву солнце, как — то ласково светившее яркими лучами сквозь толщу листвы, сосновых и еловых иголок. Лучик упал, на стоящую возле сосны совсем маленькую берёзку и осветил её листики, которые вспыхнули ярким сала-

товым цветом, будто их разукрасил великий художник своими акварельными или масляными красками, одновременно подсветив их божественным салатовым светом. Сказка! Запахи травы и цветов обдали его со всех сторон. Ушёл, оторвался от погони.

Ойка выскочил на берег, осмотрелся и опять зашёл в воду, проскочил вдоль борта по колено в воде и, напрягшись, вытолкнул лодку с Поти на берег до её середины.

– Уф! Поти ты как? – но ответа не последовало.

Ойка забрался в посудину, всю окрашенную кровью раненного, эта лодчонка буквально спасла ему только что жизнь, и взяв на руки Поти, почувствовал его какое – то обмякшее тело. Бережно неся друга, вышел на берег и положил на траву.

Поти был мёртв.

Все эти воспоминания протекали в голове уже довольно старого человека, управляющего лодкой, как тогда в далёкой молодости, когда они с Поти уходили от погони. Только теперь он грёб веслом не спеша, делясь своими воспоминаниями со своим внуком, сидевшим рядом с ним в лодке.

– Потом я похоронил Поти, обложив его камнями, чтоб не добрались дикие звери, и стал пробираться к твоей бабушке Эви. Много, ой много произошло ещё событий, – продолжал рассказывать Ойка о своей жизни, осматривая берега реки. – Опять служил у Кихека, потом попал в плен, служил русскому царю. Пришлось повоевать со шведами. За свои подвиги

во благо русского царя и Отечества был награждён почетным знаком, который с гордостью носил на шапке.

Ко времени Федора Ивановича относится запись Флетчера о русских воинских наградах, особенно важная в том отношении, что в ней говорится о ношении награжденными почетных знаков на одежде. «Тому, кто отличится храбростью перед другими, или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой с изображением св. Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самую большую почестью, какую только можно получить за какую бы то ни было услугу».

Тогда в январе 1590 года многочисленное русское войско двинулось к шведской границе. При войске находился сам царь Федор Иоаннович. Воеводами были: в большом полку – князь Федор Мстиславский, занимавший после ссылки отца первое место между боярами, в передовом полку – князь Дмитрий Хворостинин. При царе, в звании дворовых или ближних воевод, находились Борис Годунов и Федор Никитич Романов.

Русские войска взяли крепость Ям. Князь Хворостин разгромил у Нарвы двадцатитысячное шведское войско под командованием Густава Банера. Остатки были осаждены в Нарве. Хотя противнику и удалось отбить приступ русских к крепости, шведское командование сочло нецелесообразным продолжение войны.

– А вот мы почти и у места, – проговорил Ойка.

Лодка обогнула очередной поворот. По правому борту стоял дремучий лес, а с левой стороны пойменные луга раскинулись разнотравьем, впереди показался обрывистый берег, поросший сосновым лесом, небольшой ручей влился в реку, играя холодными пузырьками воды и небольшими волнами, расходящимися к её середине.

– Вот тут, внучок, и стояла наша деревня, наш пауль.

Лодка проплыла вдоль берега и, не доходя небольшого островка, подплыла к небольшой площадке внутри отвесного берега слева.

.2.

Продолжение воспоминаний.

На дворе начало 17 века, период колонизации края и начала его освоения русскими переселенцами.

Ойка с Вашкой не спеша поднялись на угор, поросший лесом. Сосны, как и много лет назад, торчали по склону коричневыми стволами с зелёными шапками сосновой хвои, помогая пришельцам подниматься вверх, служа для них опорой при движении. Земля была усеяна сухими шишками, раскрывшими свою чешую. Грибы семейками грелись, блестя жёлтыми шапочками, а маленькие маслятки, покрытые молочной слизью, пробивались из-под травинки к светящему где – то высоко за кронами деревьев солнышку.

Прибывшие остановились на небольшой площадке, на

верху, после подъема от реки. Ойка с жадностью оглядел стоящие сосёнки, посмотрел вниз на реку, блестящую серебром. Вон там, у островка, у них стояла запруда для рыбы, и держась за руки с Эви, они бежали по полю, ощущая радость прикосновения друг к другу и оглашая окрестности счастливым смехом молодости.

Всё как будто было вчера. Эви умерла несколько месяцев назад и только он, уже пожилой вогул, оставался сухим и достаточно крепким, несмотря на уже большой достаточно возраст.

– Пошли, Василий, посмотришь где жили твои предки.
– Так Ващку звали уже давно на славянский лад, так было удобней и понятней в общении с окружающими.

Деревья сменились небольшими кустарниками и взору путников предстала заброшенная вогульская деревня.

– Это и есть наш пауль, Василий, здесь и жили твои предки. Верней всё, что от него осталось.

Река Реж. (Фото автора).

Вокруг стояли деревянные домишки. В целом время не сильно тронуло их, правда некоторые перекошились от прогнившего дерева. Немногочисленные окошки зияли пустотами и веяло от них какой – то тоской, которая возникает, наверное, только на кладбищах. А это и было кладбище, только кладбище прошлой жизни, жизни Ойки и его семьи. Манси давно уже снялись с насиженного места и ушли за Камень (Урал), уходя от прибывающих в эти места переселенцев,

которых не останавливали никакие трудности неизвестной жизни, ни нападения местных аборигенов. Они прибывали и прибывали, распахивали землю, сеяли зерно, искали соль, руду, занимались охотой. И манси становилось здесь тесно несмотря на то, что правительство и верхотурский воевода, заинтересованные в сборе ясака, запрещали крестьянам ставить деревни и разрабатывать пашню в «вогульских улусах».

— Вот это мой дом, Василий, здесь мы жили, здесь бывали праздники по убитому медведю, когда удавалось его добыть! Хорошо было!

Ойка посмотрел на Ващку, глаза его сверкнули при воспоминании о детстве. А Василий увидел, как шрам, пересекавший лицо деда, побелел, видимо отхлынула от воспоминаний от головы кровь. Да, дед с юности был призван в Пелымское царство на службу, стал победителем соревнований среди лучших отыров (воинов), был в личной охране великого князя Кихека и воевал, воевал, после пленения перешёл на службу к русскому царю и за подвиги во благо русского царя и Отечества, был награждён почетным знаком, который с гордостью носил на шапке.

Так получилось, что Василий был его единственным внуком и дед много времени уделял его воспитанию. Вот и сейчас привёз его, чтобы показать, где жили его предки, чтобы гордился своим народом.

Пройдёт ещё сто лет, когда потомки Ойки будут заниматься поиском руды для Демидовых.

Глава - 2.

Демид Григорьевич Антюфеев.

2.1.

Павшино.

Демид стоял в жаркой крестьянской кузне, переворачивая заготовку в горне на огне, удерживая её щипцами. Заготовка раскалилась, покраснела чуть ли не до прозрачности. Он посмотрел через плечо. Под противоположной стенкой, выпучив глаза на таинство работы с раскалённым металлом, стояли трое его сыновей: Никита, Семен и Григорий. Самый старшенький, но и самый шустрый и смыслённый шестилетний Никита, много времени проводил в кузне с отцом, помогая в меру сил тятё.

– Да надо уходить на Тулу из деревни, к родне. Вон мал – мала меньше, нужно кормить, поднимать детишек, – лезли в голову мысли.

Шёл 1662 год. Новое Павшино, здесь жили Антюфеевы и здесь Демид работал кузнецом, располагалось в Алексинском уезде (совр. Дубенский р-н Тульской области), которое издавна славилось искусными металлургами–домниками и кузнецами, в двадцати верстах от Тулы, являвшееся вотчиной князей Волконских.

– Что тут заработаешь на подковах, да серпах! – кузнец в

сердцах сплюнул в сторону.

Надо сказать, что сёл с названием Павшино в Алексинском уезде в то время было на его границе с Тульским два – Старое и Новое. И оба были вотчинами князей Волконских. В 17 веке они были невелики: в 1678 году, например, в Новом Павшине было всего одиннадцать крестьянских дворов. По данным 20–30–х годов в 18 веке (более ранние отсутствуют) эти села, плюс село Протасово, были заметными центрами крестьянской железоделательной промышленности.

В 1724 году в Новом Павшине было девять ручных доменных горнов и три железцовые кузницы, построенные на вотчинной земле, на средства крестьян. К 1736 году здесь было уже семь домниц от двух до трёх горнов в каждой. Еще одна крестьянская домница имелась в Старом Павшине. Там же находились ручные заводы жителей Тульской оружейной слободы, Абрама Баташева (в 1729 году одна домница с девятью горнами и две железцовые кузницы с двумя горнами) и Евдокима Белобородова (с 1733 года одна кузница с горном, работавшим на железе из Тулы).

По данным Алексинской таможенной книги 1735 года, закупленное тулянами у павшинских крестьян плащенное железо находило хороший сбыт и отправлялось в Тверь и Астрахань. Домниц в Новом Павшине было довольно много: одна по меньшей мере на два двора.

– Ну что, мальцы, поедem в Тулу? А? Это вам не деревня, это – Демид задумался, – это я вам скажу большая деревня,

огороженная башнями для защиты от врагов и частоколом!

– Поедем батюшка! – враз закричали пацаны.

– И я так думаю, там родня наша в несколько семей уже уехали и зовут к себе, все металлом занимаются, чай не пропадём! А?

– Не пропадём, не пропадём, тятя!

– Точно, мои дорогие, едем на Кузнецкую слободу, там все по кузнечному делу, крепкие мужики. Своя слобода, свой устав кузнечный!

2.2.

Тульский край в 17 – 18 веках.

Вид города Тулы от оружейного завода.

Гравюра Х. Пастухова (1801) по рисунку П. Болотова (1792).

Самым началом казённого ружейного дела в России считается 1585 год, когда тульские «самопальные» (изготавливавшие ружья) кузнецы были повелением царя Фёдора Иоанновича, сына Иоанна Грозного, освобождены от податей, земских повинностей и связаны обязательством изготавливать оружие по, говоря современным языком, государственному заказу.

Мощный толчок в развитии оружейного дела в Туле произошёл при царе Михаиле Федоровиче, когда на кузнецкой стороне Тулы своих мастеров – самопальников насчитывалось сорок восемь дворов, под управлением их старосты Еремея Баташева (предка известных дворян Баташевых, увековечивших свою фамилию маркой самого распространённого в Российской империи самовара). Монархом были привлечены крупные «иностранные инвестиции», что было, по сути, единственно верным решением в условиях разорения от недавних польской и шведской интервенций, внутренних смут и настроений.

Первым царём из династии Романовых «в 29 день февраля 1632 года» было даровано право голландскому купцу Виниусу, покупавшему в России хлеб, устроить железный завод

в Тульском уезде. С тем, однако, «дабы впредь то железное дело было государю прочно и государевой казне прибыльно; а людей государевых ему, Виниусу, всякому железнному делу научать, и никакия ремесла от них не скрывать».

Залежи железной руды в здешних местах были богатейшими, дело оказалось доходным, и Андреас Виниус вовлѣк поучаствовать в нём «гамбургца Петра Марселиуса и одноземца купца Акему», которые в 1652 году, в царствование царя Алексея Михайловича, основали Саломыковский, Ведменский, Елкинский железные и Немцовский оружейный заводы, завезя на них 600 иностранных мастеров. Главным условием правительства вновь ставилось обучение тульских самопальников заварке стволов, шпажному и замочному делу. «Госзаказ» же тульской Кузнецкой слободе, где обитал на тот момент сто двадцать один самопальник, составлял двести сорок две пищали (ружья большого размера).

При Петре I, в начале 18 века, тульская Кузнецкая слобода доставляла в Москву ежегодно уже по восемь тысяч ружей, именуемых фузеями, пришедшими на смену пищалям. За каждую казна платила мастерам по двадцать два алтына и две деньги, то есть шестьдесят семь копеек серебром: дорого (эта сумма примерно равнялась годовому налогу на крестьянина), но всё равно дешевле, чем приходилось платить за импортное оружие плюс расходы на перевозку. Главным же было то, что тульское оружие было своё, находилось под рукой, европейские колебания рынка на него не влияли.

Царской грамотой 1595 года Кузнецкая слобода в Туле была обособлена от посада и приобрела статус «белой» слободы в посаде, то есть тульские оружейники были освобождены от податей и земских служб. Но эта «белая» слобода имела свои отличительные черты.

Во-первых, Кузнецкая «белая» слобода в Туле принадлежала государству, ибо тульские оружейники не были подотчётны местным властям, а находились практически на протяжении всего 17 столетия в ведении центральных органов власти и считались «государевой слободой».

Во-вторых, кроме того, что тульские оружейники были освобождены от всех государственных повинностей, они имели ещё ряд привилегий: судебный иммунитет, право варить «хмельное питьё», право первоочередной покупки угля и железа.

Да, первоначально их работа носила не постоянный характер, но затем количество оружия, подлежавшего изготовлению, постоянно увеличивалось, пока в 1665 году не было окончательно определено «вместо денежных оброков и всяких податей» делать двести сорок четыре пицали на своём железе. Затем количество оружия, которое необходимо было изготовить, постоянно росло. Вместе с увеличением нарядов росло и население тульской Кузнецкой слободы: в 1595 году здесь значилось тридцать самопальных кузнецов, по переписи 1641 года их было сто пятьдесят два человека, по переписи 1696 года – сто девяносто четыре человека, а в 1715 году

оружейных мастеров с учениками было уже одна тысяча сто шестьдесят один человек.

Таким образом, сословная группа тульских оружейников ведёт своё начало с 1595 года, когда решением царя Фёдора Иоанновича кузнечных дел мастера были обособлены от остального посадского населения.

В конце 17 века в Туле и других городах возникают поселения казенных кузнецов. С 18 века Тульский край становится основной металлургической базой страны. В 1712 году в Туле был основан первый в России оружейный завод – крупнейшая мануфактура, выполнявшая государственные заказы на поставку оружия. Среди городских жителей – посадских, казенные оружейники были особым сословием – проживая в отдельной Оружейной слободе, они обладали исключительными привилегиями.

Еще в 17 веке казенные кузнецы добились освобождения от посадского тягла, принудительного постоя и выговорили себе право быть судимыми в «своем» приказе. Сохранив или отстояв эти привилегии в 18 веке, оружейники добились также освобождения от рекрутского набора, вместо которого им было разрешено поставлять учеников для обучения на заводе. По Положению о Тульском Оружейном заводе 1782 года оружейники получили разрешение изготавливать оружие и другие изделия у себя на дому на продажу. Все это делало положение тульских оружейников особым не только среди других городских жителей Тульской губернии, но «и со-

вершенно уникальным» во всей оружейной промышленности России.

Много кузнецов прибывало в Тулу из окрестных деревень работать и на оружейном заводе, основанном в 1632 году голландцами братьями Винниус. Одним из условий деятельности этих иностранных концессионеров было обучение русских мастеров—оружейников. Одним из них и стал Демид Антюфеев, а его сын Никита унаследовал его ремесло.

2.3.

Детство Никиты.

Не первый год как Антюфеевы перебрались в Тулу, обзавелись в Кузнецкой слободе двором и домом. Никита с утра пропадал дни напролёт в кузне отца, смотрел как тот работает, постепенно постигая азы кузнечного мастерства, общаясь к таинству укрощения металла, придумывая различные конструкции для ускорения производства. По началу Никита работал молотобойцем.

Но больше всего его привлекало изготовление стрелкового оружия – самопалов или пищалей, в конце 17 века получивших красивое название – фузеи. Нравился горячий металл, раскалённый и холодный, нравилось, когда в умелых руках кузнеца он превращался из простой болванки в красивую вещь и особенно ему нравилось, когда, сверкая всеми металлическими частями, выходило оружие от фузеи до

пушки.

– Что, уважаемые кузнецы, скажите? – Тихон, он же староста оружейников, посмотрел на собравшихся, его недавно общим собранием кузнецов избрали на год решать все вопросы товарищества Кузнецкой слободы.

– Я хочу сказать, для непонятливых, что наша задача давать качественные изделия, только качественные. Запрещается самовольно продавать на сторону произведённое оружие, это государственное дело! Вот хочу отметить Никиту, сына Демида Антюфеева. Отец отошёл, царствие ему небесное, – Тихон перекрестился, – а малец пошёл работать, семье помогать, сестру, братьев на ноги надобно ставить.

– Иди сюда, Никита, пусть посмотрят на тебя, да некоторым может урок уже будет! – Никита, весь смущённый, вышел на середину мирского двора, где решались многие вопросы слободы. Товарищи старосты, разделявшиеся по специальностям (будущим цехам): замочное дело, ствольное, станочное, плавильное, стояли рядом одобрительно подбадривая пацана. Тихон прокашлялся и погладил Никиту по голове:

– Вот малец стволы делает, а как старательно! Ни одного нарекания в его адрес! А этот басурманин Антип вырос дылдым, а всё туда же, то всё наперекосяк, то теперь удумал продать на сторону! А ну иди сюда, пусть на тебя полюбуется народ!

Антип, долговязый парень в светлой рубахе, подпоясан-

ной пояском, в штанах тёмного света, медленно вышел на середину, уткнувшись глазами в пол.

Кузнецы (Из интернета).

Староста только закончил субботнюю приёмку здесь же в мирском дворе Кузнецкой слободы с товарищами. Здесь они наблюдали за работой приёмщиков стволов, замков, прибо-

ров. Требовалась особенно внимательная приёмка стволов, «чтобы железо было доброе и стволы выдержали пороховую пробу». И вот Антип опять напорточил.

– Антип, а Антип, а ты знаешь, что ты подводишь всех нас, всю артель кузнецкую, наш труд не простой, наши добрые дела! – продолжал костерить староста нерадивого кузнеца и поднял свои почерневшие в мозолях крепкие руки, можно сказать ручищи, показывая их честному народу. Что да, то да – руки у Тихона были трудовые!

– Уважаемые кузнецы, мне уже указали, что при подобном безобразном отношении наложат штрафы на всех нас, снизят заказы. Вот так нам Антип «славу» куёт! Ты о чём думаешь, когда работаешь так отвратительно! – посмотрел на Антипа Тихон.

– Что будем делать с Антипкой? – Тихон осмотрел присутствующих. Раздался возмущённый гул работников, стоявших с опущенными натруженными такими же работающими руками, сверкающими от злобы глазами. Кому охота отдавать копейку из – за этого лоботряса!

– А батогов ему! – староста махнул рукой, и двое дюжих кузнецов скрутили руки Антипу, – в следующий раз ты у меня в сопровождении караула в Москву загремишь!

2.4.

Мечты Никиты.

Никита лежал на кровати и смотрел в потолок. Отца нет. Надо думать, как содержать семью, помогать матери, да и планы на будущее нужно иметь. Братья растут, одевать, кормить надо, да и к труду приобщать.

Мысли бегут, возвращаются в недавние прошлые дни начала работы его после смерти батюшки. Первые пять алтын, заработанные Никитой, он отдал своей матери, сказав при этом: "Вот тебе, матушка, за то, что ты меня кормила и поила!" Сосед мастера, у которого жил Никита, заметивши в нем хорошего работника, стал переманивать его к себе, обещая вместо одного три алтына в неделю. Никита же, помня хлеб-соль своего хозяина, сообщил об этом ему, прося прибавить к прежней плате хоть что-нибудь. Кузнец, зная искусство и прилежание Никиты, охотно согласился на прибавку, и Демидыч, так его звали порой окружающие, остался у прежнего хозяина.

В темноте по потолку пролегла, в аккурат выше занавески, закрытой на ночь, полоска бледного лунного света. Никита посмотрел в окошко и увидел где – то там в глубине ночного неба светящуюся звезду. Интересно смотреть на небо, сколько там спрятано тайн. А звёздочка горит, будто кто-то неизвестный раздувает её, чтобы потом постучать молоточком и выковать из неё небесную брошку. Вот бы ему выковать подобную вещицу, поди денег бы стоила о – го – го сколько! И зажили бы они тогда с мамой и братьями сытно. Где – то и его звёздочка счастья есть, конечно есть, нужно только по-

думать хорошенько как её отыскать!

– Приоделся бы и сам, – подумал Никита. – Купил бы картуз с козырьком, рубаху с вышивкой синюю или зелёную, штаны и заветные кожаные сапоги. А подпоясался бы ещё поясом широким или кожаным ремешком. Одной рукой бы большим пальцем засунул за ремешок и вышел бы на улицу. Красота – а!

– Ох бы и засмотрелась бы тогда на него Авдотья Федотовна, дочь самопальника Федота, – продолжал мечтать юноша.

Никита вот уже несколько раз бывал у него в кузне и смотрел как мастер работает по изготовлению самопалов, пищалей, набирался здесь знаний и опыта. Там и повстречал Авдотью, которая приносила отцу термосок, с обедом завернутый в белый платок, связанный конвертиком. А красивая какая Авдотьюшка, в душе становится уютно и тепло, когда про неё подумаешь. С большой красивой косой – лебедушка, да и только. А возрастом на несколько лет его моложе. В аккурат для него подходит.

Никита старательно работает. Чтобы староста был доволен отзывами на него. Вон Антип провинился и батогов получил, того и гляди работы лишат, да в Москву под караул загремит. Нет Никита пойдёт другим путём. Нужно денег скопить, да кроме своей работы, готовые изделия покупать у кузнецов по дешёвке, да перепродавать и так копеечку к копеечке складывать, мастерскую расширить надо, от отца она еще досталась, да фабрику свою маленькую построить не

спеша. Глядишь и на ноги встанешь!

2.5.

Сон Никиты.

В вышине всё ярче светились звёзды. Никита ещё долго смотрел на ночное небо, какое оно огромное, просто бескрайнее. Звёздочки ярко горят там на верху, словно искорки, высыпающиеся из домницы (горна) при работе с металлом в кузне. А вон, расчертив небосвод, сорвалась такая звёздочка и, оставив яркий след, улетела куда – то за горизонт. А вон ещё одна, ещё. Так видно небо играет в свои ночные игры.

Постепенно дрёма окутывала глаза Никиты, мысли куда – то проваливались, потом опять возникало ночное звёздное небо и снова наваливался сон.

Перед ним ярко горел огонь, так сильно, что невозможно смотреть. Никита, выставив вперёд руку, пытается разглядеть, что впереди, но только яркое пламя горит на расстоянии вытянутой руки, обжигая лицо. Потом огонь закрутился, взметнулся вверх и Никита увидел себя стоящим у домницы, в которой полыхало пламя, и он споро работает с инструментом, удерживая выкованную железную полосу над огнём.

Да, конечно он знаменитый кузнец и делает свою часть работы по изготовлению пищали (ружья). Так вот железная полоса раскалилась до бела, дальше Никита сворачивает её в трубу. Раскалённый металл легко поддаётся в его умелых

руках, сваривает дальше опять в горниле и, надев на круглый железный стержень, проковывает шов на наковальне.

Процесс изготовления пищали (ружья) очень сложен. Особенно тяжело всегда даётся заварка ствола. Но только не ему, мастеру огня! Эта операция и называется заваркой ствола. Так сваривали отдельно дульную и казенную части.

Никита нервно зашевелился в постели, полежал. Опять раздался лёгкий храп.

Очень непросто работать с огнём! Вот он соединяет части, рассверливает длинным сверлом, шлифует и обтачивает снаружи, придавая нужную форму. Всё, работа подходит к концу. Жарко! Он вытирает пот со лба и ... Просыпается.

– Тьфу ты! – подумал Никита, – аж устал во время сна. Не спешно засунул ноги в тапочки, прошлёпал на кухню, зачерпнул ковшиком воды, посмотрел в окно на звёзды и стал жадно пить. Будто только что проделал огромную физическую работу в жаркой кузне.

Потом ему приснилось, что у него маленький оружейный заводик, он ходит между кузнецами, а они, завидев хозяина, все усердно работают, чтоб он увидел их рвение к работе. Кто его знает, может добавит за старание какую копеечку.

2.6.

Ярмарка.

Сегодня особый день. Не то что какой – то необычный,

просто Никита пригласил Авдотьюшку на тульскую ярмарку. Солнце уже не так грело, как в жаркое лето, после ночи уже обдавало утренней прохладой и приходилось на рубашку одевать зипунишко, а так днём достаточно тепло и комфортно. Сегодня ребята оделись в лучшее, так как ярмарка – это весёлый праздник, где кроме торговли много всякого интересного, развлекательного.

Авдотьюшка одела до пят сарафан, как цветочек полевой голубенький под стать глазкам, укрепила на лбу богатую повязку и заплела косу, вплела в неё ленточку и прикрылась душегреей – короткой кофтой без рукавов, распашной, собранной сзади во множество сборок, охватывающих талию пышным кольцом. А Никита в рубахе, подпоясанной кожаным пояском, в штанах, вправленных в чёботы добротные новые и картуз на голове.

Так как ярмарка располагалась в торговых рядах, что на правом берегу Упы, то путь предстоял через реку, потом перейти необходимо было дорогу на Павшино, которая дальше тянулась на Калужскую.

Идти было весело, рядом с ними шло много людей, ярмарка не столь частое событие, и для окрестного люда было большим событием. Нужно было выйти из деревянного города под стены кремля, где находились торговые ряды.

Б.М. Кустодиев Балаганы. 1917 год.

Тульский кремль в 17 веке, как и сегодня, представлял собой в плане прямоугольное сооружение. Стены его тянулись более чем на один километр (1066,5 метра) и охватывали площадь около шести гектаров. Подробное описание каменного города мы находим в писцовой книге 1685–1686 годов. Каждая его стена имела проездные башни, а соединялись стены между собой угловыми круглыми башнями. Проездными башнями кремля были: Ивановская (юго–восточная стена), Одоевская (юго–западная стена), Пятницкая (северо–западная стена), Водяная (северо–восточная стена); угловыми: Никитская (южная), Спасская (западная), Наугольная (северная), Ивановская Тайницкая (восточная). Севе-

ро—восточная стена кремля имела еще одну глухую квадратную башню, что на Погребу. Под ней находился погреб, где хранились военные припасы и провизия на случай длительной осады. Каменный город имел с северо—восточной стороны естественную защиту — реку Упу, а с остальных трех сторон был окружен рвом.

Ребят вынес поток людей к торговым рядам с северо — западной стороны кремля, где и организована была нынешняя ярмарка. Можно и не знать было маршрут к ярмарке, так как все улицы деревянного города сходились у каменного города. Здесь и в обычной жизни располагались горшечный ряд, большой москотильный ряд, старый и новый соляные ряды, старый и новый железные ряды, рыбные и орешные столы. На берегу Упы, за пределами деревянного города, так же в пяти саженях от каменного, находился мясной ряд. За пределами деревянного города, около Никольского моста, располагался калачный ряд, где продавали хлеб и разнообразную выпечку. На правой стороне Никольской улицы размещался серебряный ряд. Вдоль Крапивенской улицы располагался кузнечный ряд, где кузнецы — как казенные, так и оброчные — могли реализовывать свой товар.

Эх, вот она родимая, вот она ярмарка! Ох, сколько цветастого люда, одетого в самую разнообразную, ярких расцветок одежду! Кого тут только не увидишь: и приезжие купцы, и торговцы, и ремесленники, как из окрестных деревень и сел, так и из отдаленной местности, чтобы продать свой то-

вар и посмотреть чужой. Урожай собран, теперь в самую пору бы его продать и получить денежки. Опять же на них закупить, что семье надобно на хозяйство.

Эх подходи, налетай подешевело! Вокруг заключаются самые выгодные и крупные торговые соглашения, здесь и дельцы не только из местных городов и деревень, а и заморские гости из дальних стран.

– Авдотьюшка, а вон смотри какой жирный иноземец в своём наряде в непонятной шляпе с пером! Ох – ха –ха!

А вокруг каждый продавал что хотел, здесь и бублики тебе и сахарные кренделя, пряники.

Никита, вцепившись молодыми зубами в калач, держась рукой за ручку калача, резко повернулся и с разворота влетел на стоящую поперёк дороги корову. От неожиданности свалился у него с головы картуз.

– Э, дурная скотина! Ты чего на пути!

Он быстро доел калач до конца, схватил за руку свою Авдотью и потащил сквозь толпу дальше. А под ногами и курицы с петухами, и гуси с индюками. Никита остановился и ручку от калача покрошил птицам.

– Ко – ко – ко! Га – Га – га! Ешьте на здоровье, пернатые! – прокричал мальчуган.

Перед ними появились лавки с посудой и разными поделками гончаров, ткачи нахваливали свою продукцию – изделия из тканей, стекающих ручьями с увешенных ими стен лавчонок:

– Покупай полотенца да простыни, рубахи, платки – чистый лён, запаха необыкновенного, душистого!

Какой – то безногий сидел возле колоды для чистки обуви, а на низкой маленькой табуреточке, стоявшей рядом с колодой, лежали разложенные сапожные щётки. Калека начищал обувку богатенькому купцу, который, поставив ногу на колоду, свысока разглядывал, что делается вокруг. Тут же сапожники чинили обувь, брадобрей, намазав пеной лицо какого – то дядьки, большим лезвием бритвы брил бороду и периодически вытирал пену об халат.

Ох родимая, ярморочка, хороша – то как! И будто подтверждая общий настрой, со стороны раздался смех, переходящий в истерический хохот!

– Авдотьюшка, побежали! Это Петрушка!

Впереди показался веселый и разбитной балагур и весельчак, с не очень – то хорошей внешностью: с горбом, большим носом и резкими чертами лица, который из – за ширмы вещал писклявым и резким голосом. Но вокруг народ валился со смеху от его чудачеств! Петрушка то и дело попадал в различные неловкие ситуации и был не единожды бит за свой весьма длинный язычок, что вызывало новые волны хохота.

Петрушка никогда не унывает, весело задирает свой длинный и горбатый нос и продолжает балагурить и смешить народ то своим сватаньем, то устройством на работу или другими забавными приключениями.

Тут же по рынку, с целью зазывания покупателей, ходили

и смешили людей различными шутками—прибаутками, рекламируя товары, шуты и скоморохи.

Насмотревшись представлений и уже явно проголодавшись, ребята рванули к лоткам со сладостями, фруктами и напитками. Тут же бродили, продавая еду, специальные разносчики, выкриками пытавшиеся перекрыть шум толпы:

— Пирожки вкусные, сладкие, с картошкой и ливером, с вареньем и ягодами!

— Кукуруза сахарная, горячая, кукуруза тает во рту — налетаем!

Особенно привлекательным им показалось приготовление пряников, которые готовили тут же. Каждый пряничник старался сделать свою продукцию вкуснее и красивее прочих. Сладости продавали на любой вкус: заварные, медовые, сливочные, фруктовые, мятные и даже горчичные.

На столе в деревянные формы парень, в переднике набивал тестом вырезанные узоры в зеркальном отражении, пока не получал отпечаток орнамента — до сих пор пряники с узорами называются печатными. На них изображали местные достопримечательности, зарисовки из жизни и картинки—обереги. У каждого кондитера были свои пряничные формы, и знающий человек мог узнать мастера, просто взглянув на товар. Потом ударом об стол, принявшее форму тесто выбивалось и помещалось тут же в небольшую печь, откуда уже и выходили зарумянившиеся прянички!

В это время слышалась плавная песня. Женские голоса

выводили народную красивую любимую мелодию, проникающую в самую душу. Никита и Авдотьюшка, разбив хоровод и встроившись в него, старательно стали подпевать знакомую песню, держась за руки с остальными. Вокруг зелёная поляна, всё усыпано цветами и разноцветными платями участников.

– Авдотьюшка, моя, синеглазка из сказочки, – проговорил Никитушка, смотря в глаза девушке.

Авдотья зарделась от смущения и весело задорно и счастливо рассмеялась. Вокруг звучала музыка, выступали скомоорохи и лицедеи. Но ребята куда – то улетели в космос и ничего вокруг почти не видели, кроме влюблённых лиц друг – друга. А вокруг всё пело, танцевало и светило солнце, грея осенними лучами людей, веселившихся где-то там внизу, на земле.

В это время раздался какой-то шум, громкий смех и неторопливое вождение хоровода разорвалось удалой русской пляской, в которой танцоры соревновались друг с другом в выделявании различных замысловатых фигур и коленцев.

Ребята переглянулись друг с другом округлившимися глазами, будто только что спустились на землю с неведанной планеты, и ничего не понимая, что происходит вокруг, но быстро придя в себя, опять засмеялись громко и счастливо и побежали, взявшись за руки куда-то туда, к голубой искрившейся глади реки, на встречу солнцу и своей взрослой жизни.

А ярмарка плясала и веселилась, поодаль сильные мужчины вступали в кулачные бои, отчаянно молотя друг-друга. Особенно популярны такие бои были на Масленицу, в них участвовали обычно физически развитые мужчины любого возраста вне зависимости от положения в обществе. Бой мог проводиться один на один, стенка на стенку или в виде «сцеплялки–совалки» (напоминала вид оригинального русского единоборства, в котором борьба проходила с помощью бросков и захватов). Для мужчин эта забава была одной из любимых, ведь она позволяла проявить свою силу, ловкость и мужество, «выпустить лишний пар» или даже «выбить из головы дурь», скопившуюся там, на протяжении повседневной рутины.

А вдали солнышко стало таять, свет его лучей поблекнул и начал теряться в огромном темнеющем небе. Наступал вечер.

Глава - 3.

Пётр Первый и Демидов.

3.1.

Своё производство.

Капли дождя неустанно молотили по мостовой, деревьям, домам, по образовавшимся лужам, создавая на мгновения пузыри, которые тут же лопались и опять возникали. Другие

капли тут же стекали с уже пожелтевших листьев берёз, росших по обочине. Наступала осень, а за ней впереди маячила долгая зима. Небо затянуло низкими серыми тучами, которые почти касались куполов церквей, возвышавшихся над Тулой.

Смело вышагивал по улице молодой человек лет тридцати, одетый в лёгкий кафтан нараспашку с развязанными тесёмками, пришитыми вместо пуговиц, изредка перепрыгивая низины, заполненные водой, и пестревшие жёлтым цветом упавшей листвы. Настроение у него, в отличие от окружающей его хмурой природы, было замечательным, о чём свидетельствовало весёлое мурлыканье под нос забавной песенки «О весновой службе», вертевшейся у него в голове:

«Бережочек зыблетца,
да песочек сыплетца,
а ледочек ломитца,
добры кони тонут,
молодцы томятца:

Ино, Боже, Боже,
сотворил ты, Боже,
да и небо – землю,
сотвори же, Боже,
весновую службу!»
(старинная песня)

– Нескоро ещё весна, нескоро. Зима – самая работа у кузнецов! – проговорил Никита Антюфеев и, открыв дверь, заскокил в дом.

– Артемий, а ну собери молотобойцев наших, – Никита скинул промокший кафтан, причесал чёрные волосы, прогладил рукой бороду, – Как тут вы у меня, как дела?

Никита прошёл в плавильню к домнице. За ним проследовали его работники, радостные оттого, что у хозяина настроение хорошее, доброе.

– Так что у нас тут? – он осмотрел домницу – кормилицу.

Артемий бойко стал рассказывать о проделанной работе по подготовке к сезону:

– Старые две домницы в работе, Никита Демидович! Да, пройдемте, посмотрим, где ставим новую с плавильной печью и «со всеми домницкими снастями». Так что к сезону, к зиме плавку металла начнём и на новой, – начал Артемий.

– Никифор и Ничипор, что при домнице у нас, работу знают, бодро, споро делают, – продолжал он, – Вот поставили уже не глиняную, а кирпичную печь и внутри облицевали огнеупорным мятчиковым белым камнем.

Новая домница стояла уже сияя новизной и смотрела на них верхними и боковыми отверстиями.

– Хорошо, хорошо, Артемий, – настроение Никиты всё становилось лучше и лучше.

Старая же печь гудела огнём. В разожженную домницу

мастера тут же сверху укладывали вперемешку древесный уголь и железную руду. В боковое отверстие мехами пошла подача воздуха. Температура в печи поднялась до 800–900 градусов, а при непрерывном дутье она достигала и до 1100–1200 градусов порой. Пирометров и специальных приборов для определения температуры не было, поэтому готовность определяли по цветам каления. Только полумрак позволял разглядеть и понять необходимый оттенок свечения, в котором степень накала отливает желто–красными переливами.

Содержащееся в руде железо тягучей массой начало сползать вниз – в изложницу. Там оно остынет и образуется железная болванка (крица). Еще не совсем остывшую крицу мастер тут же вынет клещами, затем в кузнечном горне её ещё добела накалит и сделает проковку. Так повторит несколько раз, пока после удаления излишнего углерода, не получится плотная чистая железная крица весом 20–25 фунтов (8–10 кг).

Никита подошёл к большой наковальне, тут стояли ещё и малые наковальни, лежали молотки и молоты, клещи различной формы, зубила, пробойники, гладилки и обжимки, а также гвоздильни, тиски и напильники.

Никита Демидович, а теперь его называли в основном так, взял в руки молоток и оглядев собравшихся, сказал:

– Артемий, завод строить будем, передай всем! Пора и нам самим на полный цикл переходить: и уголь жечь, и крицу не только самим лить и у крестьян окрестных скупать, а

всё на заводе делать, вплоть до выхода ружей, фузей, пушек! А можем, как считаешь, Артемий! Кстати, у нас Иван Баташов, бумажных дел голова, где?

– Да, всё сделаем, Никита Демидович, аль рук у нас нет?
– ответил Артемий.

– Здесь я, Никита Демидович, – вышел вперёд высокий парень с густой шевелюрой и усами.

– А мы, Иван, деревенским перевели в долг за будущую крицу деньжат?

– Перевёл намедни, Никита Демидович, перевёл! Как не перевести!

– Хорошо, хорошо, Иван Тимофеевич, так и работай старательно, приказчиком на завод поставлю!

Никита Демидович Антюфеев проследовал в подсобное помещение, где находились запасы угля, криц, железное сырьё, бочки с водой и другие необходимые в кузнечном ремесле материалы.

Он, унаследовав «старинный отцовский промысел», расширил его, совместил «рудяной промысел» со скупкой и перепродажей криц, обогатился и постепенно стал почитаемым и уважаемым горожанином, используя также умение ладить с городской и монастырской администрацией, управляющими всеми процессами в городе и подвластными крестьянами.

– Давай, Артемий, работайте, продолжайте, а я пройду в мастерские и посмотрю, как ружья делаются.

– Никита Демидович, бумагу царскую принесли, – подал опять Иван Баташов голос, – хотел до вас принести в кабинет, важная поди царская бумага, с печатью от генерального писаря Инехова, который является делопроизводителем и адъютантом Преображенского полка! Может посмотрите сперва, по что важное там сообщение?

– И что ж ты, сучий потрох молчишь, ходишь туда – сюда, бумага от царя, а он думает нести – не нести, бегом мне за ней!

– Так вот, Никита Демидович, и она, – держа в руках бумагу царскую, смотрел Иван на Антюфеева.

– Читай, читай, мне быстро, Никита сел на табурет, стоявший рядом, и приготовился слушать.

Баташов огляделся, развернул грамоту и с выражением начал читать красивым почерком написанный текст. Демидов разомлел в тепле и, с важностью от происходящего, слушал, а в голове у него то и дело возникали видения, что он находится на своём заводе собственном, вокруг него работают большущие станки, льётся металл, молот многотонный бьёт по наковальне, вот его заводы дымят трубами в небо, один, второй, третий, много, очень много у него заводов.

А в той грамоте предписывалось о необходимости доставки в Преображенский полк ему, оружейному мастеру туленину Никитке Демидову, новых ружей по перечню, да в ремонт забрать оттуда старых, а ехать надобно в управление полком, которое размещалось, где и полк: в подмосковном

селе, давшем ему название. Именно здесь «сидел и Преображенский полк ведал», а непосредственным местом его «сидения» являлась Преображенская съезжая изба.

3.2.

Юный Петр Первый.

В окрестностях Москвы, в селе Преображенском, на красивейшем берегу Яузы стоял деревянный дом — дворец, где Петр Первый проводил детство. Отец его — отошедший в мир иной, когда Петру было три с половиной года, царь Алексей Михайлович — имел многочисленное потомство: Пётр Первый был четырнадцатым ребёнком, но первым от второй жены, царицы Натальи Нарышкиной. 27 апреля (7 мая) 1682 года после шести лет правления скончался и болезненный царь старший брат Фёдор III Алексеевич. Встал вопрос, кому наследовать престол: старшему пятнадцатилетнему болезненному Ивану, происходившему от рода Милославских согласно обычаю или совсем малолетнему Петру. Заручившись поддержкой патриарха Иоакима, Нарышкины и их сторонники 27 апреля (7 мая) 1682 года возвели на престол Петра. Его единокровная сестра царевна Софья Алексеевна управление государством взяла в свои руки в связи с его малолетством.

Петру отводилась декоративная роль: он участвовал в церковных церемониях, посещал вместе с двором москов-

ские и загородные монастыри, присутствовал на приемах иностранных послов. Самыми любимыми игрушками были две деревянные пушки, стрелявшие деревянными ядрами с помощью небольшого заряда настоящего пороха.

Портрет юного Петра I. Неизвестный худ.

30 мая 1683 года справлялся день рождения Петра. В этот

день на Воробьевых горах проводилась показательная, в присутствии царя, стрельба из пушек, а руководил ею Зоммер, служивший в русских войсках иностранного строя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.